

После обеда они побродили по горам, собрали немного сосновых и мясных грибов, едва заполнив корзину. Немного отдохнув, Ань Жубао с корзиной за спиной, а Сун Чу с мешком в руках начали спускаться.

По пути они встретили несколько групп, поднимающихся за дикими ягодами. Большинство из них, проходя мимо, указывали на них пальцами и шептались. Ань Жубао и Сун Чу не обращали на это внимания. Однако они больше не встретили группу Ань Шао — Сун Чу рассказал Ань Жубао, что тот парень, который назвал его Жубао, был Ань Шао, и он наконец вспомнил, что это, кажется, был тот самый парень из семьи старосты, который хотел сесть в их повозку, когда они ехали в город.

На обратном пути Ань Жубао нес корзину, наполненную катальпой, и держал мешок, а Сун Чу нес корзину, наполовину наполненную катальпой, наполовину грибами. Он хотел нести мешок, но Ань Жубао крепко держал его и не отпускал, так что Сун Чу сдался.

Они все еще были детьми, и ноша была для них тяжелой. Они шли с остановками, и только через час добрались до дома.

Дома Ань Сюань и его супруг веяли белый рис во дворе. Их движения были неуклюжими, и они с трудом справлялись, покрываясь рисовой шелухой. К счастью, большая часть работы была уже сделана.

Сун Чу, увидев это, поставил корзину и хотел помочь, но Цинь Фэн остановил его, сказав, чтобы они отдохнули. В это время Сун И и Ань Жуюй подбежали к корзинам и начали кружить вокруг них. Ань Жуюй не знал, что было в корзинах, но Сун И знал и, кружась, объяснял:

— Это катальпа. Очень вкусная. Это грибы, тоже вкусные. Но их нельзя есть сырыми, нужно варить. А это... о, фундук! Попробуй, он самый вкусный, я люблю... дурачок, не так едят, нужно вот так укусить... ой, больно, ой... кровь, мой зуб!.. Ууу... мой зуб... мой зуб выпал... ууу...

Сун И, с открытым ртом, полным крови, смотрел на выпавший резец и плакал навзрыд. Ань Жуюй испугался и тоже начал плакать.

Ань Жубао быстро подхватил Сун И, открыл ему рот, посмотрел и улыбнулся:

— Это просто смена зубов. Не плачь, ты же парень, если будешь плакать из-за этого, над тобой будут смеяться.

Сун Чу тоже подошел, посмотрел и подал Сун И воды, чтобы тот прополоскал рот. Сун И, прополоскав, неуверенно спросил:

— Правды смена зубов? Они еще вырастут?

Из-за выпавшего зуба его речь стала смешной, и все в доме рассмеялись.

Сун И, глядя на своих бессердечных родственников, молча закрыл рот и поклялся, что пока зубы не вырастут, он не будет говорить и открывать рот! К сожалению, это было невозможно, и за ужином его беззубая улыбка снова стала объектом насмешек, кроме Ань Жуюя.

Вечером Сун И закутался в одеяло и провел ночь в расстройстве. На следующий день за завтраком он сел спиной к остальным, чтобы избежать насмешек. Ань Жуюй был его верным союзником и тоже сел спиной ко всем. Но только он откусил кусок лепешки, как вдруг зарыдал:

— Мой зуб... ууу... мой зуб тоже выпал... ууу, я тоже стал беззубым... ууу... не хочу, это так ужасно... уааа...

Остальные снова рассмеялись, а Сун И мысленно покрутил пальцем у виска и пробормотал:

— Дурак.

Жители деревни начали везти рис в город на продажу. Ань Сюань и его супруг обсудили, что у них больше семидесяти даней риса, а после очистки останется около шестидесяти. Если считать, что один человек съедает в день около полукилограмма риса, то этого хватит на три года. Они решили продать сорок даней.

Рис нужно было очистить от шелухи, чтобы продать его как белый рис. Сорок даней риса Ань Сюань и его семья очищали целых десять дней, затем упаковали в ящики и отправили в город на ярмарку. Как раз через пару дней должен был начаться Праздник осени, и они решили заодно купить все необходимое для праздника.

Праздник осени был похож на привычный Ань Жубао праздник середины осени. Каждая семья, завершив сбор урожая, праздновала богатый урожай, молилась о плодородии в следующем году и желала хорошего урожая. В Праздник осени было принято есть осеннюю кашу — это каша из всех видов зерна, собранного осенью. Также ели осеннюю рыбу — свежую рыбу, пойманную в реке в день праздника, что символизировало изобилие.

Эти традиции сильно отличались от земных, и Ань Жубао, чувствуя новизну, вдруг ощутил ностальгию по празднику середины осени. В этот день семьи собирались вместе, но без него, как они справлялись в этом году? Чем больше он думал, тем грустнее становилось, и весь день он не мог вырваться из этого состояния. Вечером, когда он вяло шел в дом, у двери его остановил Сун Чу.

Ань Жубао обернулся и посмотрел на него. Сун Чу немного помедлил, затем прямо сказал:

— Ты говорил, что будешь защищать меня. Я тоже хочу сказать, что могу защитить тебя. Если... если у тебя есть что-то на душе, ты можешь рассказать мне, не держи это в себе, это тяжело, и другим тоже больно смотреть.

Праздник осени приближался, и луна светила ярче обычного. В лунном свете лицо Сун Чу было скрыто тенью, но в темноте можно было разглядеть твердость и решимость. Ань Жубао почувствовал, как сердце сжалось, а затем смягчилось. Он протянул руку и обнял его. Через некоторое время он тихо сказал:

— Я буду хорошо к тебе относиться.

Сун Чу, немного помолчав, ответил:

— Я верю тебе.

Безоговорочное доверие Сун Чу обрадовало Ань Жубао, и негативные эмоции начали рассеиваться. Они стояли в объятиях некоторое время, затем Ань Жубао отпустил его, поцеловал в щеку. На этот раз он не спешил, слегка потеревшись губами, прежде чем отстраниться. Сун Чу не сопротивлялся и не отстранялся, а, подумав, вдруг встал на цыпочки и тоже поцеловал Ань Жубао в щеку, повторив его жест, оставив на лице Ань Жубао следы слюны, и спокойно ушел.

Ань Жубао не мог оставаться спокойным. Он долго стоял, затем потрогал место, где его поцеловали, и с глупой улыбкой вошел в дом. Когда они оба вошли, из угла вышел Цинь Фэн. Он прищурился, посмотрел на их двери, затем быстро вернулся в свою комнату, где лежал Ань Сюань, и с таинственной улыбкой сказал:

— Угадай, что я только что увидел?

Ань Сюань, не открывая глаз, спросил:

— Что?

Цинь Фэн, улыбаясь, шепнул ему на ухо:

— Я видел, как Жубао и Сун Чу обнимались у двери, тьфу ты, даже поцеловались в щечки... хихи...

Ань Сюань легонько толкнул его:

— Ну и ну, ты ведь как мать, а тут подглядываешь за своими детьми.

Цинь Фэн надулся:

— Да нет же, я просто шел в туалет и случайно увидел. Но я рад, что у них все хорошо.

Ань Сюань кивнул:

— Да, мы можем быть спокойны.

Их сын и сын Дин Бэньтаня были ровесниками, выросли вместе, и их чувства были взаимны. Семьи были равны по статусу, и свадьба казалась естественной. Но когда семья Ань разорилась, семья Дин отвернулась от них, и через месяц их сын обручился с вторым сыном богатой семьи Ван. Их сын, не смирившись, пошел выяснять отношения, но его выгнали из дома. От горя и травм он слег в постель. Он пролежал несколько месяцев, врачи приходили один за другим, но все качали головой и говорили, что он болен из-за душевной травмы, и лекарства не помогут. Видя, как их сын бледный лежит в постели, то в беспамятстве, то смотрит в потолок, Цинь Фэн плакал каждый день.

Однажды, когда их сын несколько дней был без сознания, и все уже потеряли надежду, он внезапно открыл глаза. Хотя он выглядел слабым, в его глазах была искра жизни, которую они давно не видели. Ань Сюань и Цинь Фэн, едва сдерживая слезы радости, сразу же вызвали лучшего врача в городе. Врач осмотрел его с головы до ног, был поражен и, наконец, заключил, что их сын здоров! В течение следующего месяца их сын постепенно выздоравливал, хотя говорил мало, но стал более живым и больше не спрашивал о сыне семьи Дин. Через месяц он полностью выздоровел, и лекарства больше не понадобились. Супруги решили, что, во-первых, в городе у них больше не было бизнеса, а во-вторых, чтобы их сын не сталкивался с сыном семьи Дин и не испытывал стресса, они переехали обратно в деревню Циншань.